

связывающие его с более древней традицией, например „общее место“, в котором говорится о похвальбе цареградских богатырей:

„хотя кѣвъ город на шити взяти
великого князя с великою княгиню в полон вести
а удалых богатырей станных людии
и под мечь всѣхъ приклонити
а злато и сребро покатимъ тельгами“ (стр. 13);

в современных записях обычно: „взять эи щитом“. Сочетание с предлогом *за*, является позднейшей формой, так как постоянно встречающееся во всех летописях с древнейших времен сочетание: „взять на щит“. Эту более старую форму мы и находим в „Сказании“.

Цареградские богатыри похваляются — богатырей, воинов „под мечь всѣхъ приклонити“ (стр. 13), и далее (стр. 21) грозят, что быть всем „богатыремъ и удалым молодцом под мечь поклониты мь“. Эта фраза находит себе соответствие в „Слове о полку Игореве“: „Тѣми тресну земля и многы страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужны“. Очевидно, и здесь мы имеем дело с твердым фразеологическим сочетанием, которое позднее исчезает.

Цареградские богатыри говорят: „и всем в киеве учиним сѣчю великую“ (стр. 21); Алеша Попович повторяет эти слова: „И учините сѣчь великую“, и прибавляет: „а покатыца головы татарския а пролетца кровь горячая богатырей цареградцких“ (стр. 22). Обычное сочетание летописей „учинилась сеча (зла люта)“ входит в былинный стих, потому что это форма живого языка (в „Сказании“ постоянно употребляется глагол „учинить“, „учиниться“ в значении „совершиться“, „сделаться“, „сделать“, и в более широком значении, как и во всех памятниках XV—XVII вв.).

Фраза Ильи Муромца в ответ на сообщение калик о похвальбе цареградских богатырей вызвала у В. Ф. Миллера возмущение: „Таким приниженным языком служилого московского человека, пишет он, говорит богатырь, который в былинах стоит за Киев не ради князя и княгини, а ради вдов, сирот и божьих церквей!“¹

„слышите ли мои товарищи
за то хочю голову сложить
за государеву чашу и молитвы
и за его хлѣб соль великую“ (стр. 14).

Но почему это „приниженный“ язык именно московского служилого человека? Твердое сочетание „положить голову“ (за кого?), встречающееся во всех летописях постоянно, — формула преданности и верности, а не приниженности. Едва ли следующие за ней слова „за государеву чашу и молитвы и за его хлѣб соль великую“ выражают эту приниженность. В „Повести временных лет“ под 1078 г. рассказывается как Изяслав говорит, обращаясь к Всеволоду: „ты мнѣ еси братъ а я тобѣ и положю главу свою за тя еже и быс(ть)“.² В Лаврентьевской летописи под 1177 г.: „всташа бояре и купци, рекуще: „княже! мы тобѣ добра хочемъ; и за тя головы своѣ склады-ваемъ, а ты держишь врагы своѣ просты“.³ В Ипатьевской под 1282 г.:

¹ В. Миллер. Очерки... II, М., 1910 г., стр. 132.

² Полное собрание русских летописей, II, СПб., 1903, стр. 194.

³ Лавр. лет., 3-е изд., СПб., 1897, 365 стр.